

- 6 **Луговская, В.** О чем рассказывает архив / В. Луговская // Перамога кастрычніка. – 1983. – 29 верасня.
- 7 Перамога кастрычніка. – 1985. – 25 мая.
- 8 Белорусская ССР: Краткая энциклопедия. В 5 т. Т. 1. – Минск : Главная редакция Белорусской советской энциклопедии, 1979. – 768 с.
- 9 Из доклада командира партизанской бригады им. Калинина от 20 октября 1943 г. начальнику Белорусского штаба партизанского движения // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 345. – Оп. 1. – Д. 2.
- 10 **Стэльмашок, Ф.** У баях за Веткаўшчыну / Ф. Стэльмашок, М. Царкоў // Голас Веткаўшчыны. – 1993. – 7 верасня.
- 11 Путеводитель музея «Боевой и трудовой славы» при Ветковской средней школе № 1. – Ветка, 1985.
- 12 **Злыдзень, І.** У баях за Ветку / І. Злыдзень // Перамога кастрычніка. – 1983. – 7 лістапада.
- 13 Перамога кастрычніка. – 1975. – 9 мая.
- 14 **Коган, А.** Памяць аб восені 43-га / А. Коган // Перамога кастрычніка. – 1983. – 24 лістапада.
- 15 Перамога кастрычніка. – 1975. – 10 красавіка
- 16 **Лебедзеў, Б.** Подзвіг на Сожы / Б. Лебедзеў // Перамога кастрычніка. – 1987. – 21 лютага.

УДК 94(100) «1914/1919»

ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Г. И. БЛИЗНЕЦ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

На протяжении века жаркие дискуссии в научных кругах, обществе, СМИ, за рубежом о причинах, результатах, последствиях революции не прекращаются. Понятно, чем событие весомее, тем сильнее споры, но споры об Октябре никогда не умолкали. Почему? Стоит признать, что оценки историков, как правило, идеологически мотивированы, поскольку зависят от того или иного идейно-политического подхода, тем самым в исторической науке органически сливаются воедино два ее исконных начала – идеологический и собственно научный. В их взаимодействии создается знание, так на протяжении века в острой идеологической борьбе развивалось, обогащалось наше понимание исторического смысла Октябрьской революции.

Разброс мнений, оценок в спорах об Октябре 1917 г. впечатляет, но острие дискуссий сводится к выяснению следующего: чем была

Октябрьская революция – главным событием XX века или трагической ошибкой.

Сто лет назад противники большевиков всех оттенков – и монархисты, и либералы, и умеренные социалисты – понимали происшедшее как незаконный захват власти за спиной русского народа. Такое понимание большевистских действий как спланированной операции составляло стержень того, что получило затем в западной историографии наименование «тоталитарной школы», или «тоталитарной модели» [1, с. 162]. Спустя век одни исследователи подчеркивают ее объективный характер, эпохальное значение, другие оценивают революцию, да и всю последующую историю страны как ошибку, трагическую случайность, ставят под сомнение ее историческую необходимость и закономерность.

В связи с этим нам представляется логичным предложение В. Никонова, известного российского политолога, разделить всех авторов на пессимистов и оптимистов [2, с. 14].

Пессимисты полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и неререформируемой, старая власть – недееспособной. Огромное общественное неравенство усугубляло проблему бедности, народные массы нищали. Первая мировая война стала последним толчком, который способствовал низвержению прогнившего режима.

Оптимисты уверены, что в предреволюционные, особенно предвоенные годы Россия находилась на подъеме, существовали хорошие условия продвижения империи в разряд процветающих европейских государств эволюционным путем на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества.

Неверно отрицать, что всего за 50 лет своего развития капитализм существенно продвинул вперед страну в экономическом, главным образом, промышленном отношении. К началу Первой мировой войны Россия занимала 5-е место в мире (после Франции) по общему уровню производства промышленной продукции. При этом темпы роста ее промышленности с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивались в среднем на 5 % в год. С 1887 по 1913 г. общий объем промышленного производства вырос в 4,6 раза [3, с. 170]. И всё же Россия отставала от передовых стран Запада в индустриальном отношении. Менделеев Д. И. оценивал это отставание, например, от США как десятикратное (по данным современной российской статистики – в 8 раз).

Русский капитализм не смог решить задачу индустриализации страны, он лишь заложил её основы. При этом индустриальный прогресс был куплен ценой разорения деревни, массового раскрестьянивания. Капиталистические методы хозяйствования (прибыль, себестоимость и т. п.) не коснулись крупнейшего в мире госсектора, представленного главным

образом казенными заводами, работавшими на оборону. Великая держава не обладала развитым машиностроением. Даже товарами народного потребления промышленность России обеспечивала народ далеко не полностью. Развитой была текстильная промышленность, однако деревенское население в громадной массе носило домотканую одежду. Капитализм не успел перестроить на буржуазный лад сельское хозяйство – главную отрасль народного хозяйства России, в нем преобладали формы примитивного капитализма, не говоря уже о засилье остатков крепостничества – худшей разновидности феодализма.

Плоды индустриальной революции и рыночных отношений слабо были заметны на селе, где было занято 7/8 населения. Урожайность зерна в России в 1908–1912 гг. – 53 пуда на десятину, на уровне Португалии, тогда как во Франции – 83, Германии и Англии – около 130, Бельгии, Голландии и Дании – более 145 пудов [4, с. 91]. По среднему потреблению хлеба Россия среди великих держав опережала только Австро-Венгрию. Это не снижало объемов вывоза зерна, которое составляло 63 % всего экспорта из России. Проблема недоедания существовала, но она напрямую не была связана с экспортом. На экспорт шла, в основном, пшеница, слишком дорогая для российской бедноты и производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке [2, с. 42].

В то же время в неурожайные годы страна переживала вспышки катастрофического голода, уносившего сотни тысяч жизней. В 1901 году от голода скончались 2,8 миллиона человек, в 1905–1908 – четыре миллиона, в 1911 – один миллион, даже в 1913 году – самом урожайном в дореволюционное время – страна потеряла от недоедания 1,2 миллиона граждан [2, с. 43].

Причины недостаточного уровня развития аграрного сектора, которые снижали и общеэкономический уровень, заключались в преобладающем типе крестьянского хозяйства, интегрированного в поземельную общину, слабо втянутого в рыночные отношения, опутанного различными видами докапиталистической кабальной эксплуатации. Понятно, что такие хозяйства, в огромной массе нищие и безлошадные, не были приспособлены к восприятию технических новшеств индустриальной цивилизации. Настоящим бичом российского общества стало аграрное перенаселение, число лишних рабочих рук на селе оценивалось в половину от общего количества занятых в сельском хозяйстве.

Патриархальное сельское общество не могло породить индустриальную революцию, вывести Россию на передовые рубежи в мире. Это понимали С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, пытавшиеся силой изменить страну «сверху», что вызывало бурную ответную реакцию. Самые серьезные конфликты в сельской местности были спровоцированы «миром» ради защиты устоявшихся норм и общинных интересов от внешних угроз, исходивших от

должностных лиц или домохозяйств, которые пытались действовать вразрез с интересами общины, то есть наблюдалась реакция социального недовольства на модернизацию.

Результат дали меры правительства, нацеленные на распространение сельскохозяйственного образования, оказание технической и агрономической помощи, мелиорацию, облегчение доступа к кредиту, поощрение на селе кустарной промышленности. Этого не отрицали даже откровенные критики режима.

Да, власть активно реформировала страну, но, во-первых, тот же П. А. Столыпин хотел реформами «сверху» расчистить почву для развития капитализма по старому, наиболее консервативному, «прусскому» пути. И тем ускорить это развитие. Ныне публицисты изображают его сторонником фермерского варианта аграрно-капиталистической эволюции, но Столыпин стремился наделить землей одних крестьян за счет других и, прежде всего, сохранить помещичье землевладение, не открывавшее, а закрывавшее путь к свободному фермерскому хозяйствованию. Это было лишь полурешение задачи. Умеренные социалисты (меньшевики, эсеры), оказавшись после Февральской революции в составе Временного правительства, не приняли никаких мер, чтобы очистить русскую деревню от помещичьих латифундий.

Во-вторых, реформаторы сталкивались с огромным сопротивлением социума, всей российской почвы. Тысячелетние традиции, устои народной культуры, православная вера – всё восставало против ценностей наступавшей промышленно-городской цивилизации. В России капитализм очень интенсивно развивался, но не хватало того, что С. Франк называл «буржуазным мирозерцанием» или, по М. Веберу, «духа капитализма». Другая этика, другая мораль, другое непонимание. Да и вне православия русскую культуру рассматривать нельзя, потому что русский архетип – главный субъект русской истории – формировался под сенью православия. В отличие от других конфессий православие – это не иерархия, а особая система мировосприятия [5, с. 20].

В-третьих, в условиях мировой войны среднеархивная система русского капитализма не выдержала военного напряжения и вступила в полосу затяжного и острого кризиса. В 1917 году этот кризис принял не предвиденные никакой теорией формы распада, а разница между кризисом и распадом в том, что кризис можно пережить и даже выйти из него окрепшим, а распад – это тупиковый вариант. Прав был академик П. В. Волобуев, когда писал, что «события в течение 1917 г. принимали всё более и более опасный поворот; страна всё больше погружалась в состояние хаоса, анархии» [5, с. 21]. Распад хозяйственной системы в 1917 г. показал, что русский капитализм себя исторически исчерпал, он, как писал Г. В. Плеханов, отцвел, не успевши окончательно расцвести, самодискредитировал себя в глазах широких народных масс.

К революционному взрыву привело высокое социальное напряжение. Мы согласны с точкой зрения профессора А. К. Соколова, что Февральскую и Октябрьскую революции надо рассматривать как целое. Это была одна революция 1917 г. – от падения самодержавия в феврале – марте до установления большевистской диктатуры в октябре [5, с. 9]. Российскую революцию надо изучать в более широком историческом и международном контексте. Не одна Россия пережила революцию, поэтому сравнительно-исторический подход всегда полезен.

Российский 1917 г. открывает цикл революций в крестьянских странах, которые в XX в. вступали на путь модернизации. В них возникают новые ожидания, новые настроения, новые вызовы, на которые старая, дискредитировавшая себя власть не могла ответить. И постепенно в такой ситуации накапливается внутреннее напряжение, приводящее к революционному взрыву.

Страну начало трясти еще в самом начале XX века. Революция 1905–1907 гг. не решила стоявших перед ней задач, и вопрос о новой революции стал лишь вопросом времени. Безусловно, война ускорила ход событий. Достаточно было бросить спичку в «котел», чтобы произошел взрыв. Сразу и неожиданно развернувшиеся в феврале 1917 г. события послужили лишь прелюдией крушения всего старого порядка.

Февральская революция привела к власти неопытное, неустойчивое правительство, пытавшееся руководить расколотым обществом, проводя в то же время непопулярную политику. Временное правительство за восемь месяцев правления ничего не сделало для удовлетворения насущных потребностей большинства населения, оно не решило основных общедемократических и национальных задач (о мире, земле, борьбе с хозяйственной разрухой и голодом, рабочий и национальный вопросы). Разумеется, любой народ должен был понимать это как пренебрежение его интересами, его правами и надеждами. Это и стало внутренней пружиной развития революционного процесса в социалистическом направлении. «Сказано: по плодам их узнаете. Плодом Февраля был Октябрь» [5, с. 18].

После Февральской революции пришли в движение многомиллионные массы трудящихся: солдат, рабочих, крестьян, демократической интеллигенции, беднейших городских слоев. Ими двигало неодолимое стремление к переменам, социальной справедливости, улучшению и обновлению своей жизни. Они в соответствии с запросами своей политической культуры ожидали, что правительство произведет несколько «магических» действий, с помощью которых сразу же будут удовлетворены их насущные нужды. Это было не простое ожидание нереального, люди хотели увидеть готовность власти помочь им, ждали быстрых и эффективных решений.

Поскольку буржуазная республика во главе с кадетами, эсерами и меньшевиками не смогла удовлетворить этих чаяний масс, не провела социальных реформ в их интересах, они левели, проникались антибуржуазными настроениями и, в конечном счете, осенью 1917 г. встали на сторону большевиков. Собственный политический опыт привел массы под знамена большевиков. Вывести страну из хаоса могла только диктатура. Вопрос стоял так: какая это будет диктатура – левая или правая.

В этих условиях большое значение играет субъективный фактор – роль личности в истории. В осенние дни 1917 г. в одном из журналов поместили карикатуру на А. Ф. Керенского: стоит огромный Петр I с большой дубинкой и Керенский внизу – маленький, слабенький с какой-то палочкой. Петр ему говорит: «Эх, Федорыч, дал бы я тебе свою дубину, да где тебе её поднять?». На этом фоне рассмотрим феномен В. И. Ленина. В октябрьские дни 1917 г. власть буквально валялась на мостовой, и подобрал её В. И. Ленин, обладавший волей к власти. Точно подметил Г. Вернадский: «В то время как, члены семьи Романовых один за другим отказывались от власти, в то время, как кадеты и эсеры один за другим уходили в отставку с министерских постов во Временном правительстве, Ленин был готов отстаивать власть любой ценой» [2, с. 906]. Лидером масс мог стать автор аграрной программы эсеров В. М. Чернов, но в его характере не было необходимой решительности, оставались те, кто был левее – Ленин и Троцкий стали вождями масс.

В связи с этим интерес представляет монография «Русская революция 1917 года» Рекса Уэйда, профессора университета в Джордж Мейсоне, в которой он ищет ответ на вопрос: чем могла закончиться революция, если бы не этот исключительный индивидуум – Ленин? Ход рассуждений Уэйда – это четыре основных момента. Первый – о Ленине в 1917 г. Большевицкая партия была разобщена и дезориентирована, пока не возвратился в апреле Ленин, который дал своим коллегам установки и волю к действию. Второй – о Ленине в Октябре. В среде большевиков замешательство и колебания накануне Октября, но за ними стоит Ленин, который выработал план, звал и толкал их вперед, не пренебрегая никакими доступными средствами во имя захвата власти его партией до Второго съезда советов, собравшегося 25 октября. Третье размышление касается роли Ленина в русской истории до революции. Именно Ленин, по сути один, создал большевицкую партию, выработал организационные принципы, идеологию и мораль, а также стратегию. Невозможно представить существование партии без него. Четвертое – Ленин придал деятельности партии осмысленный характер, направив ее к однопартийной диктатуре в надежде на мировую революцию. Одним из проявлений гения Ленина была способность уловить взаимосвязь войны и политики, осознать единство этих различных процессов. К 1914 г. Ленин пришел к пониманию того, что главным двигателем революции является

не классовый конфликт – доминирующая категория у Маркса, а война. Промышленно развитые страны Западной Европы он считал, пишет Уэйд, созревшими для социалистической революции, но неспособными произвести ее самостоятельно. Революция же в отсталой России послужит искрой, чтобы разжечь социалистическую революцию в передовых странах; более того, эта революция дает единственный выход из ада мировой войны [1, с. 168].

Лидер кадетов историк П. Милюков только в эмиграции признает, что последствия войны на фронте и внутри страны заранее расположили народные массы в пользу тех, кто явился самым смелым отрицателем войны, и вместе с тем оказался отрицателем Февральской революции. «Война в этом смысле приготвила народ к Октябрьской революции», – напишет он [7, с. 49].

Россия 1917 г. не созрела для социализма, внутренних условий для его победы в стране не было. В этом смысле Октябрьская революция произошла не «по Марксу», она произошла «по Ленину». Социалистический проект Ленина не предусматривал немедленное «введение» социализма в России, поскольку страна не созрела экономически, речь шла о постепенных переходных шагах и мероприятиях, ведущих к социализму (национализация банков, монополий и земли, контроль над производством и т. п.).

Центр тяжести в своем обосновании необходимости революции Ленин перенес на анализ конкретно-исторических факторов, поставивших в повестку дня переход России к социализму. Среди них два главных: первая мировая война и отсталость страны. По мнению Ленина, высказанному им в сентябре 1917 г., война так ускорила развитие, что «за три года подтащила нас вперед лет на тридцать...» [8, с. 113]. Отсталость, относительная слабость капитализма облегчили его революционный штурм, в частности и тем, что пролетарская революция против буржуазии соединилась с крестьянской против помещиков. «Наша отсталость, – подчеркивал Ленин, – двинула нас вперед» [9, с. 235].

Логика Ленина ясна и понятна: раз страна отстала, войной и разрухой поставлена на грань национальной катастрофы и при этом обладает мощным революционным потенциалом, надо революционным путем видоизменить обычную историческую последовательность. Не ждать «полного» созревания материальных предпосылок социализма, а сначала свергнуть буржуазию, неспособную обеспечить прогресс страны, установить рабоче-крестьянскую власть, а затем на основе этой власти двинуть вперед производительные силы. Залог социального возрождения страны большевики видели в разрыве с капитализмом, революционном обновлении всех сторон общественной жизни.

Проект Ленина представлял собой не план «осчастливливания» народа, а программу практического выхода из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из войны и разрухи. Октябрьская революция представляла собой отличный от западноевропейского вариант пути к современной индустриальной цивилизации. Наш народ выстрадал Октябрь, пройдя перед этим через тернии двух буржуазно-демократических революций, и понял, что иначе ему не удастся очистить страну от завалов средневековья. Но можно ли утверждать, что осенью 1917 г. народ сделал социалистический выбор? До сих пор не завершился спор о том, какая часть населения поддержала социалистическую революцию: весь народ, большинство или подавляющее большинство? Революцию совершил пролетариат в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке всего крестьянства, заинтересованного в ликвидации помещичьего землевладения. Это обстоятельство не дает исчерпывающего ответа на вопрос о социалистическом выборе.

Неоднозначно отношение к Октябрьской революции, ее целям и задачам было и сто лет назад, и сегодня у различных слоев населения и исследователей. Разброс политических взглядов определяется историческими, географическими, национальными и множеством других факторов. Сама революция представляла собой сложнейшее переплетение различных течений и направлений, туго завязанный узел классовых, общедемократических, общенациональных тенденций, многослойное сочетание объективного и субъективного, позитивного и негативного. Здесь и социалистические идеалы рабочего класса (весьма неоднородного по своему составу), и специфические требования крестьянства (еще более неоднородного по социальной стратификации, а также по региональным условиям), и стремление народов к равноправию и самоопределению, и общее для большинства граждан, но по-разному понимаемое желание демократии, очевидная и острая тяга к миру в сочетании с патриотическими настроениями. Подводя итог, мы аргументировано можем утверждать, что Октябрьская революция была исторической необходимостью, а не трагической случайностью.

«Пока “приговор” истории не произнесен, споры историков по поводу оценки изучаемого, – пишет Н. И. Смоленский, – есть бесконечный поиск истины – только в связи с временем прошлого, настоящего и будущего; разорвать его не дано никому» [6, с. 170]. Такова природа относительной истины, с которой историк имеет дело и которая является двигателем прогресса в науке. На примере векового исследования исторического смысла Октябрьской революции мы убеждаемся в относительности исторического познания. В XXI веке мы отказываемся от рецидивов мессианства и эйфории в трактовке этой проблемы. Мы перестали твердить, что проложили магистральный путь к социализму. Прав академик П. Волобуев: наша революция пробила первую брешь в капиталистической системе, проложив, как оказалось, далеко не лучший путь к социализму, но и это по всем историческим меркам уже немало. Следовательно, человечество, как и после Великой французской революции, сделало громадный исторический шаг вперед, хотя при сталинизме были попятные и боковые движения. Без этой революции, без ее идеалов, без ее сражений, оплаченных кровью защитников и врагов, мир был бы другим, полагаем, менее человечным и социально перспективным. Главный итог революции – народные массы пришли в движение во всем мире.

Список литературы

- 1 **Энтин, Дж.** К истолкованию русской революции 1917 г. / Дж. Энтин // Вопросы истории. – 2012. – № 8. – С. 161–168.
- 2 **Никонов, В.** Крушение России / В. Никонов. – М. : АСТ ; Астрель, 2011. – 926 с.

3 **Петров, Ю. А.** Российская экономика в начале XX в. / Ю. А. Петров // Россия в начале XX века. – М. : Новый хронограф, 2002. – 744 с.

4 Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). – М. : Самотека, 2008. – 432 с.

5 Февральская революция 1917 года в российской истории «Круглый стол» // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 3–30.

6 **Могильницкий, Б. Г.** История, логика и проблемы современного научного знания / Б. Г. Могильницкий // Вопросы истории. – 2014. – № 4. – С. 169–171.

7 **Милкоков, П.** Почему большевики взяли верх? / П. Милкоков // Коммунист. – 1990. – № 15. – С. 48–59.

8 **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1969. – Т. 34.

9 **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1969. – Т. 35.

УДК 281.9

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И РЕСУРСЫ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

А. П. ЕЛОПОВ

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

Мир современного русского православия многолик и внутренне противоречив, наполнен борьбой идейных течений и церковно-партийных групп. Для их разграничения часто используются такие термины, как «фундаментализм» и «модернизм». Следует заметить, что в церковной среде оба этих слова имеют отчетливо негативную коннотацию. Их почти никогда не применяют по отношению к себе, «награждая» ими оппонирующую сторону в очередной острой дискуссии. Практически все заметные фигуры в церкви снабжены ярлыками «фундаменталистов» и «модернистов», так что может показаться, что никакой средней позиции между этими двумя крайностями уже не осталось. И хотя действительность сложнее такой биполярной схемы, но ей удобно пользоваться для того, чтобы обозначить ситуацию принципиального выбора, в котором находится Русская православная церковь (РПЦ) на современном этапе.

В своей работе мы охарактеризуем суть фундаменталистского проекта как одного из исторических путей, открытых для РПЦ. Мы также рассмотрим те социокультурные факторы, которые делали и делают продвижение по этому пути не только возможным, но и максимально